

УДК 821.161.1(093.3)(092)
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С91

Суханова Ксения Станиславовна

С91 Со всех лап. — М.: «Издание книг ком», 2020. —
384 с., ил.

ISBN 978-5-907250-49-9

Никогда бы не подумала, что кража лопаты из дачного сарая может стать радостным событием. Именно оно вывело первые буквы на чистых листах будущей книги, предопределив столь многое.

Спустя несколько лет книжный формат оказался тесным для четвероногой затейницы Рады, и её жизнь превратилась в настоящее кино. Однако самыми дорогими сердцу всё так же были именно простые моменты обыкновенного счастья. На контрасте с невероятными приключениями оно чувствовалось только сильнее.

В этой книге есть всё – самоирония и неидеальные герои, домашний уют и драйв молодости, верная дружба и острые конфликты, любовь и потери, неудержимый хохот и смех сквозь слёзы, захватывающие повороты событий и даже... мистика. Кроме того, книга придётся по душе всем любителям романтики «нулевых».

Основано на реальных событиях. Имена некоторых героев изменены. Любые совпадения случайны.

УДК 821.161.1(093.3)(092)
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907250-49-9

© К.С. Суханова, 2020
© «Издание книг ком», 2020

Дорогие друзья!

Вы держите в руках интересную и довольно необычную книгу.

И что в ней необычного, спросите вы? Сколько историй уже написано о кошках, собаках и их хозяевах.

Вечные темы под пером Ксении становятся свежими и непохожими на всё остальное. И дело даже не в самобытном авторском стиле. Хотя Ксения, безусловно, рассказывает увлекательно даже о самых простых событиях, заботливо складывая их в копилку воспоминаний наравне с уморительными, подчас невероятными выходками её четверногих друзей.

Но мы говорим о другом. Что может оторвать современного человека от пролистывания ленты в своём гаджете? Сейчас, в период бурного развития интернета и электронных изданий? Конечно, билет – билет в необыкновенное путешествие!

Книга Ксении и есть тот самый билет. Вы не просто слушаете интересные, захватывающие дух истории из уст автора – вы непременно станете их участником и переживёте каждый миг с героями книги. Вас ждут удивительные приключения, большой и не всегда простой путь. Но на нем с вами всегда будут смелая верная собака и добрый сообразительный кот.

Неправильно будет назвать эту книгу всецело книгой о животных. Она и о людях тоже и написана с большой любовью и к тем, и к другим.

С Ксенией мы впервые встретились летом 2019 года на фестивале домашних животных. Уже тогда ее рассказы, зачитанные со сцены, обратили на себя внимание. Отточенность повествования, оригинальные сравнения, интересный сюжет. Книга написана с юмором, живым языком и читается очень легко. Я искренне рад, что теперь и вы сможете познакомиться с ней.

Николай Дроздов

*Посвящается Раде – собаке,
которая сделала из меня человека*

Никогда бы не подумала, что кража лопаты из дачного сарая может стать радостным событием, способным предопределить столь многое. Тогда мы отделались лишь некоторым испугом и, собственно, потерей самой лопаты. Но именно в студеную ночь 26 сентября 2004 года где-то свыше было решено: наша жизнь должна навсегда измениться.

СО ВСЕХ ЛАП

Прямо на меня, пыхтя, на всех парах неслась мужская рубашка. Ее накрахмаленные рукава беспорядочно развевались, будто пытаясь в панике хоть за что-то зацепиться. Но было уже поздно – какая-то неведомая, неукротимая сила крутила рубашку волчком, заставляя выписывать в воздухе невиданные пируэты. Вдруг рубашка совсем взбеленилась – зарычала, а затем и звонко залаяла. Наконец из-под нее по полу потекла желтая струйка, и довольное «ня!» огласило квартиру. Моя собака, которая еще вчера виделась далекой мечтой, бросилась мне на руки, оставляя рубашку мокнуть в свежей лужице. Наше знакомство длилось всего несколько минут, но по ощущениям – всю жизнь. А может, так оно и было?

...О собаке, а точнее, о немецкой овчарке, я мечтала очень давно. В тринадцать лет даже казалось, что как минимум целую вечность. Эта порода олицетворяла не столько «легендарный ум, силу и преданность»,

воспетые в книгах, сколько собаку вообще. Собаку с большой буквы. Немецкая овчарка как синоним собаки. Мама лелеяла мечту той же породы, и ее воображаемая овчарка всю готовилась отмечать юбилей 30 лет.

Бабушка же с непоколебимым упорством не разделяла наших чаяний.

Месяцы тончайшей дипломатии с редкими вкраплениями шантажа. Полностью иссякший запас неопровержимых аргументов. Наша кампания не приносила ровно никаких результатов.... пока на дачу среди ночи не влезли воры.

«В чем дело, господа?!» – рявкнула бабушка из темноты, да так, что двух здоровых мужиков сдуло с нашего окна, как комаров сквозняком. Воры успели унести только ноги да лопату из сарая, который сиротливо высился на пути отступления. Ребята, конечно, заблудшие, но я до сих пор желаю каждому здоровья, мешок денег и десять жен в придачу. Ведь добро на собаку мы с мамой получили буквально в ту же минуту. А ровно неделю спустя в этот мир пришла и наша будущая собака.

Дверь открыла невысокая худощавая женщина с толстой пшеничной косой почти в половину ее роста. Светлане было около сорока. В ее глазах читалась живая заинтересованность вперемежку с грустной усталостью. Едва женщина прекращала улыбаться, как стремительно набегавшая грусть тучей затеняла ее лицо, а в глазах гасло небо. Светлана попросила подождать секундочку, пока она спрячет щенка в кухню подальше от уличной обуви. Я успела заметить ее широкую улыбку, обращенную к щенку, пока еще скрытому от нас стеной коридора. Улыбка снова на миг осветила лицо теплым мягким светом, и даже пшеничная коса будто засверкала. Светлана напоминала летний ветреный день, когда тени от туч скользят по полям, сменяя друг друга и лишь иногда открывая солнце.

Из кухни донеслись звуки возни, шарканье, топот, шуршание, скрип миски о пол и, наконец, звонкое

задорное «ня!». Я сбросила ботинки, даже не развязав шнурков, и с разбегу впрыгнула в домашние тапочки, перепутав правый и левый. Мы с мамой, переглянувшись и сделав глубокий вдох, проследовали в сторону кухни. То была последняя секунда той, старой жизни. Секунда, которая казалась гораздо длиннее, чем все предыдущие годы.

Едва завернув за угол прихожей, я замерла: на меня смотрело Чудо. Жаркий всполох обжег грудь изнутри; я стояла, не в силах пошевелиться и совершенно забыв дышать. Светлана держала Чудо под толстые передние лапы, в то время как задние стояли на полу. На голове Чуда красовался высокий домик из ушей. Чудо также неотрывно, но вместе с тем и чуть строго смотрело на нас с мамой большими бусинами карих глаз, забыв про возню на кухне. Стоп-кадр из какого-то фантастического фильма, не иначе!

В квартире воцарилась тишина. Но уже не та тишина, какая была пару месяцев назад в питомнике бедной Асы – тогда осенний воздух сотрясался от лая десятков собак, а в моей душе было глухо. Сейчас же в абсолютной тишине квартиры мой внутренний голос не то что говорил, а просто горланил, как лихой казак, заглушая даже стук сердца: «Это она! Она! **Моя** собака! Моя Рада!»

Рада начала вырываться из рук, и Светлана опустила ее на пол. Две секунды – и мы вместе. Трудно назвать нашу встречу знакомством – мне казалось, что я знаю Раду всю жизнь. Просто воссоединились мы именно в тот день. Только сейчас мне стало ясно: мои просьбы о собаке не имели ничего общего с какой-то гипотетической собакой. Да, это я скучала по Раде – своей подруге, которую знала всегда, – и ждала нашего воссоединения.

Я смотрела на Раду и не могла поверить. Это же она – та, которую я видела в стольких снах; та, которую каждый день представляла себе. У нас уже было столько общих приключений! Неважно, что пока всего лишь в моей голове. Сказал бы мне кто-нибудь, сколько еще впереди!

Я проснулась. Проснулась для настоящей жизни. Обнулила прошлое. Доброе утро, рассвет новой реальности. Еще немного сонная, пытаюсь осознать, сон это или явь.

Так мы и сидели посреди кухни – новая я и моя старая знакомая Рада. И маленькая тесная кухня, и весь остальной мир в те секунды будто кружились вокруг нас.

Светлане тяжело давалось расставание с Радкой. Она успела привязаться к этой маленькой затейнице, которая виртуозно включала свет на Светланином лице. Но Рада уже сошла с ее орбиты. Она тоже давно нас ждала, и это было видно невооруженным глазом.

Наконец наша компания переместилась в гостиную. Светлана порылась в шкафу, и перед нами предстали фотографии и награды Радкиных родителей. Сейчас я бы посмотрела их с огромным интересом, но тогда... Светлана подкладывала все новые и новые папки, а я, зажав в руке один из дипломов Радкиной матери и приговаривая: «Очень красивый портрет», замороженно глядела на Радку – **МОЮ** собаку. Мне очень нравилось, что она не просто бесится, а придумывает одну веселую затею за другой. На коленях тем временем высилась уже целая гора документов и фотографий. Мама, заметив, что дочь кивает и комментирует чисто машинально, экстренно перетащила гору на свою сторону.

Не успели мы произнести вслух, что Радки давно не видно, как что-то злое скрипнуло, вслед за чем послышалось еще более злое оханье и шелест надеваемых тапочек. Из соседней комнаты вылетела мужская рубашка и бросилась вперед по коридору. Мы присмотрелись: нет, даже целых две рубашки! – и покатались со смеху, когда из-под них, гордо выпятив угловатую щенячью грудь, показалась Радка. Наступая на накрахмаленные воротнички и манжеты, которые тормозили ее победоносное движение, она все же явно опережала мужа Светланы, выскочившего из комнаты в одном тапочке. На финише Радка еще как следует поборолась со Светланой за рубашки, изрядно помяв их в процессе вытягивания из рук хозяйки. Впрочем, оставленная без

занятия, Рада недолго скучала. Скоро она уже доставала из открытой ею дверцы шкафа пачку печенья для щенков, которое мы привезли с собой. Радку совершенно не смутило, что печенье лежало на большой высоте и по всем законам физики было ей недоступно. Она пировала от души – тут уж не до точных наук.

Муж Светланы молча, с раздраженным видом поднял рубашки и, скомкав, снова бросил на пол в ванной. В его присутствии сразу все притихли: не только Радка, но и мы с мамой, и Светлана. Почему-то невозможно было даже отхлебнуть чая из чашки, пока он не скрылся в коридоре. А ведь это именно он подвозил нас с автобусной остановки и с большим удовольствием занимал интересными разговорами о своих прежних собаках.

Светлана первая нарушила тяжелую тишину.

– Ну как, Оксан, будешь с собакой заниматься? Я бы ее себе оставила, но никакой возможности... вообще никакой. Так что теперь это твоя ответственность.

Светлана называла меня исключительно Оксаной, а я не считала нужным исправлять ее. Кроме щенка ничто не имело значения. В тот момент я была бы не против, даже если бы меня называли Изольдой или Крамией. Зато имя Рада нам с мамой понравилось, и мы не собирались его менять. Очень уж символичное. Кстати, одно из его значений – «сильный ветер, вихрь».

Светлана чуть придвинулась ко мне, задев локтем ложку в чашке, и продолжила:

– Радку бы на выставки поводить, а еще в спорте она, думаю, очень хорошо бы себя проявила.

– Ой, да мы для себя берем... – затянула я как-то испуганно.

Светлана пристально и будто с обидой посмотрела на меня:

– Такую собаку нельзя скрывать от мира. Это будет преступлением.

Я улыбалась, а сама думала: да я же создана для того, чтобы просто любить свою собаку! Зачем нам выставки и тем более соревнования? Так, для себя воспитаю, чтобы слушалась, защищала, ну и, конечно, выполняла

команды вроде «Голос!» и «Дай лапу!». Больше ничего для счастья и не надо.

– Ну, на выставку хоть раз ты ее сводишь?! – Светлана выдернула меня из мятежных дум.

– Да, хорошо... – промямлила я. А сама подумала: «Ладно, выставки – так и быть. Один раз. Но соревнования – никогда!»

Жизнь в этот момент буквально поперхнулась даже не самой фразой, а ее безапелляционностью. Нет, жизнь не злопамятна, но память у нее хорошая.

Сейчас я понимаю, что Светлане стоило многих сил доверить нам эту собаку. И, возможно, она подыскала бы более убедительную кандидатуру на владение перспективным щенком. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Семейные обстоятельства Светланы не оставляли ей простора для выбора. А может, она все-таки увидела в нас что-то, о чем еще не подозревали мы сами?..

Спустя неделю машина Светланы затормозила перед нашей станцией метро. Я вышла на проезжую часть и сразу же по щиколотку провалилась в снежную жижу – впрочем, совершенно этого не заметив. Даже если бы в тот день прошел ураган, он остался бы без внимания.

– Ну, всего вам! В добрый путь! – Светлана прикрывала нахлынувшую грусть искренней радостью за нас и собаку, а беспокойство – трогательно-неуместной суетой.

– Спасибо вам огромное! Я вас услышала.

С этими словами я зашагала, все так же по щиколотку в воде, в сторону дома. На руках я держала десять килограммов ушастого, удивленного счастья. Каждый шаг давался непросто, но я категорически не отдавала свою ношу маме, несмотря на то, что Радины задние лапы уже смешно свисали вниз, как у игрушечного зайца. Увязая в снежной жиже под тяжестью щенка, я шла вперед походкой астронавта. А все вокруг – космос, не иначе. И в нем теперь горела моя яркая путеводная звезда. Рада.

Сейчас пора рассказать, кто такая Аса и почему мы смогли забрать Раду домой только через неделю после нашей первой встречи.

Отвратительное ноябрьское утро. Сложно даже представить хуже. Пронизывающий порывистый ветер безжалостно срывал с деревьев последние листья, которыми те стыдливо прикрывались. Морозящий дождь разошелся, превратившись в серый ливень; ему, казалось, самому было противно идти в такую погоду. Холод, слякоть... и такси с включенными на полную мощность дворниками. Будто в панике сметая воду, они с отвратительным звуком царапали стекло, заглушая даже скребущих на душе кошек. Лучший в той ситуации вариант – остаться дома – мы проигнорировали в угоду намеченным планам. И это в итоге стоило нам больших денег и, что намного страшнее, больших переживаний. Но, как можно судить по прошествии лет, без того нашпигованного ошибками дня, скорее всего, я не встретила бы с Радой. А с Радой мы должны были встретиться непременно.

Ехали мы за долгожданным щенком немецкой овчарки в частный питомник за пятьдесят с лишним километров от Москвы по Волоколамскому шоссе. Покинув трассу, мы долго плутали среди почерневших от дождя, покосившихся деревянных домов, пока, наконец, машина не повернула на гравийную дорожку. Шелестящая под колесами дорожка оканчивалась массивными воротами. За ними возвышался не так давно, по всей видимости, построенный особняк.

Волнующего предвкушения в наших рядах особо не наблюдалось. Мы молча смотрели на высоченный забор и внушительную домину за ним. Перед тем как нажать кнопку звонка, мама обернулась с многозначительным взглядом. Ей особенно не понравилось место, куда мы приехали. Но мой и бабушкин ободряющие кивки заставили сомневающуюся маму нажать-таки на кнопку.

Довольно долго мы ждали появления заводчицы, слушая лай многочисленных собак за забором. Решив, что в новом доме звонок еще не работает, постучали в ворота.

За этим также ничего не последовало. Тогда мама приоткрыла оказавшуюся незапертой калитку. В паре метров от забора с длинной спутанной цепи на нас бросался огромный кавказец с висящей клоками грязной шерстью. Мама обследовала глазами участок и поскорей захлопнула калитку.

– Там только какие-то рабочие ходят, – развела руками она. – Может, поедем, а?

Мама смотрела на нас с бабушкой пристально и даже с каким-то отчаянием, то и дело ежась при порывах ветра.

– Наташ, ну не зря же ехали столько, хотя бы посмотрим, – возразила бабушка.

Мама не успела ничего ответить, потому что из калитки явилась ухоженная, деловитая дамочка. Представившись Анжелой, она, цокая каблучками с налетом собачьих фекалий, повела нас навстречу нашему счастью.

«Счастье» это выглядело весьма убого. Пара непрезентабельных вольеров с щенками, один большой открытый вольер, в котором крутилось порядка десятка взрослых немцев – кобели и суки, в том числе течные, и вольер с очаровательным подрощенным щенком кавказской овчарки.

– Мы пока строимся, поэтому некоторый беспорядок, приносим извинения, – натянуто улыбнулась Анжела и похлопала в ладоши.

Из будки в одном из вольеров выбрались три щенка немецкой овчарки – два черных и чепрачный. Последний невозмутимо сделал в углу лужу и отправился обратно в будку. Черненькие бросили на нас короткий любопытный взгляд и последовали за ним. Все это не произвело на меня никакого впечатления. Мы втроем стояли и молчали, слушая, как ветер свистит через решетку вольеров.

Анжела еще раз похлопала в ладоши – на этот раз громче и нетерпеливее. Щенки вывалились из будки и потопали к сетке с таким видом, будто шли на

нелюбимую работу. Мы также подошли поближе. Увидев незнакомые лица, малыши с ленивым интересом просунули носишки между прутьями; один из черненьких приветливо встал на прутья передними лапами. Со второго взгляда чепрачная девочка понравилась мне больше, и мы попросили вытащить ее из клетки. На моих руках оказалось маленькое худое создание с пока еще висячими ушами и грустным взглядом детских глаз. Собачка повиляла хвостиком и сделала попытку изучить мое лицо. По большому счету, все происходящее ее также не слишком впечатляло. В соседнем же вольере тот самый щенок кавказца пытался обратить на себя наше внимание, цепляясь за прутья и стараясь перевеситься через борта, виляя хвостом и возбужденно присвистывая.

– Почему не хотите взять кавказца или кого-нибудь из черных щенков? – участливо осведомилась Анжела.

– Нет, мы давно хотели именно чепрачного немца, да и кот у нас черный – куда нам столько черного? – ответила мама, поглаживая чепрачную девочку, которая все так же тихо сидела у меня на руках.

– А больше у вас таких немцев нет? – спросила бабушка.

– Есть в доме, но они с документами и стоят шестьсот долларов. Будете смотреть?

Мы несколько секунд колебались – цена была достаточно высокой, а нас тогда устраивала собака без документов. Мы ведь брали собаку «для ду-уш-и-и-и» – какие уж там бумажки! Тем временем у меня на руках уже сидела собака, и мы не смогли отдать ее обратно в вольер. Скорее всего, подсознательно мы жалели малышку, а сознанию казалось, что хотим купить именно ее.

– Славненькая... – бабушка погладила мягкие висячие ушки. Мама тоже провела рукой по мордочке, но ее взлелеянная мечта о немецкой овчарке выглядела как-то по-другому.

Однако мы заплатили шесть тысяч и выслушали монолог Анжелы о том, как адаптировать щенка дома. Она любезно назвала прививки, сделанные щенку, пообещав оформить и позже передать нам ветпаспорт.

Проводя в памяти экскурс в прошлое, я диву даюсь, какими фееричными лохами мы были. Вся ноябрьская история от начала и до конца – одно подтверждение этому. Но, надо сказать, что раньше собак у нас не было и мы не знали практически ничего об этой кухне. В отсутствие интернета объявление в газете мы приняли с полным доверием, а зарубежная книжка, приобретенная в зоомагазине накануне, вряд ли могла бы выручить. У нас в то время отсутствовала не только психология собаководов, но также маломальские опыт и внутреннее чутье. И куда уж зарубежной книжке до наших суровых российских реалий.

Мы, изображая из себя счастливых новоиспеченных владельцев собаки, сели в машину. По дороге решили назвать щенка Асой – в честь овчарки бабушкиного детства. Аса тихонько лежала на расстеленном для нее покрывальце и забавно бурчала, будто убаюкивая себя. Я думала: приедем домой – и тогда уж точно почувствуем Его - счастье. Но нет. Все это время на заднем плане звучала муторная мрачная мелодия, которая дома стала только отчетливее.

Приехав домой, Аса удивилась произошедшей метаморфозе. Но стоило ей увидеть в моих руках пакетик еды, удивление моментально испарилось, сменившись остервенелым желанием насытиться. В питомнике не утруждались вдоволь накормить беднягу, что отражалось не только на аппетите, но и на телосложении.

После еды Аса легла на свою подстилку и снова принялась бурчать, убаюкивая себя. Едва в жизни начало воцаряться подобие гармонии, как Аса вдруг встала, покрутилась и выдала огромную зловонную лужу поноса. В ту же секунду я поняла, что ее дела плохи.

Последующая неделя прошла под знаком бесконечных часов в ветеринарной клинике, капельниц и уколов. Диагноз Асе поставили сразу: парвовирусный энтерит – тяжелейшее воспаление тонкой кишки, которое в подавляющем большинстве случаев заканчивается летальным исходом и выкашивает подчас целые питомники.

Для худой и слабенькой Асы эта схватка была совсем неравная. Врачи предлагали либо сразу усыпить собаку, либо начать лечение без каких-либо прогнозов.

Мы решили сделать все, что в наших силах, и выбрали второе. Несколько дней подряд мы с мамой по очереди высиживали с Асой по несколько часов, пока та проходила терапию на капельнице. Особых улучшений не наступало, наши деньги верно перекочевывали в бюджет клиники, но иначе поступить мы не могли.

В той же комнате к батарее был привязан огромный пациент-алабай по кличке Тарас, встречавший всякого заходящего утробным медвежьим рыком и угрозой вырвать батарею из стены. Однако пару дней внимательно понаблюдав за нашими страданиями, он будто проникся к нам уважением и позволял беспрепятственно проходить мимо своей персоны.

Все положенные часы Аса тихо спала, лишь иногда поднимая голову и будто проверяя, не стало ли ей лучше. В этот момент начинался очередной приступ рвоты. Аса выгибалась, а нам ничего не оставалось – только гладить ее и следить за тем, чтобы не оторвалась капельница.

Дома мы с помощью шприца вливали еду и воду изможденному, но все еще ощутимо сопротивляющемуся щенку. Вечером четвертого дня мама принесла домой корзинку с Асой и расплакалась. Она просидела в ветклинике целый день, пока я была в школе. Аса глубоко спала; ее бочка неровно вздымались. Мы не смогли ничего сделать.

На пятый день под влиянием врачей мы все-таки приняли тяжелое решение. Но пока я ехала в клинику, где в это время дежурила мама, Аса умерла сама. Я медленно подошла к маленькому тельцу, около которого как-то жутко лежал уже ненужный катетер.

– Теперь энтериту не достать тебя, – тихо сказала я, проводя рукой по знакомой шерстке и поднимая глаза к потолку, чтобы слезы закатились обратно.

Из клиники мы вышли с двойственным чувством. Помимо муторной горечи чувствовалось и какое-то подобие облегчения. Мы не успели полюбить эту собаку

и с первого дня запретили себе делать это, зная, чем все, скорее всего, закончится; мы даже не знали ее истинного характера, забитого болезнью. Но все же она не могла не занять своего места в сердце. Ужасно жаль было маленькую жизнь, которая могла бы стать большой и счастливой.

На лечение мы потратили внушительную сумму, так что в итоге получились те самые шестьсот долларов. Но жалели мы не о деньгах, а о том, что нас так цинично обманули. Бабушка тезисно высказала отпиравшейся Анжеле по телефону свое «фе», но та положила трубку, бросив напоследок, что продала нам совершенно здорового щенка. Мы, в свою очередь, горестно вздохнули: всех тех щенков, которых мы видели в ее питомнике, уже тоже, вероятно, не было в живых.

Мы не стали бороться за свои деньги с ветряной мельницей по имени Анжела – решили, что этот случай лучше принять как горький опыт и в будущем учесть свои ошибки. Обычно мошенникам, подобным Анжеле, везет на такие решения их жертв.

По совету ветеринара мы выкинули все предметы Асиного обихода, несколько раз обработали квартиру ультрафиолетовой лампой и вымыли каждый уголок хлорамином. Вирус энтерита может жить в квартире до года, но ветеринар дала нам добро на нового щенка и крепкую веру в лучшее:

– Вы все замечательно обработали, так что подождите месяц – и вперед. Бомба в одну воронку дважды не падает!

Как бы там ни было, я никак не могу причислить этот случай к бессмысленным. Беспощадным – да, но история с Асой выступила своеобразной прививкой на будущее, а сама Аса придержала наших коней и позволила мне дожидаться именно свою собаку. Понять, как должно быть.

Я признательна ей, что она приходила в нашу жизнь, хоть и не была Нашей Собакой. Взамен мы дали ей узнать, пусть и на короткий миг, что такое забота и душевная теплота. Но горечь за собаку, которую язык не повернется назвать первой, не проходит с годами.

Надеюсь, хотя бы там, за радугой, Аса побегала по зеленой травке за мячиком, искупалась в речке и повалялась в песке – сделала то, что положено каждой собаке.

Эта история очень нас подкосила и сбила с панталыку. Казалось, вот она, мечта – сбылась! Но на деле мы еще глубже, словно с трамплина, ухнулись в неизвестность. А ведь Наша Собака уже ждала нас. В итоге выяснилось, что сбить с панталыку и сбить с пути – разные вещи. Разница — только в вашей вере.

ВЫБОР ИЛИ СУДЬБА?

Серое промозглое утро 11 декабря 2004 года не предвещало ровно никаких эпохальных событий. В тусклом свете из окна комната казалась нарисованной карандашом. На улице было так промозгло, что батареи не справлялись, и во время завтрака бабушка оставила гореть сине-желтые цветки газа в конфорках.

Однако, как показала практика, изменить жизнь способны не только теплые солнечные деньки, но и такие вот 11 декабря, когда в мокрый снег и пронизывающий ветер приходится вытаскивать себя из дома и ехать на дачу. Позвонили соседи и сообщили, что из-за мокрого снега с дома сорвало водосток.

Уже смеркалось, когда мы с мамой и бабушкой наконец уложили в сарай садовый инвентарь, которому теперь предстоял заслуженный отдых. Плеснув на руки ледяной воды и бросив оценивающий взгляд на плоды наших трудов, мы отправились на автобусную остановку. Автобус не изменил своим привычкам и пришел минут на сорок позже. Наконец, согревшись и задремав в автобусе, я уже подносила к губам чашку горячего чая и готовилась смачно отхлебнуть. Именно в этот момент ко мне повернулась мама, прервавшая сладостную дрему: «До электрички полчаса, пойдем посмотрим, может, кто с овчарками будет стоять». Я было хотела возразить, но как-то не получилось. Потоки серой воды делали неразличимыми картинку за окном — хоть на овчарок посмотрим, раз с пейзажами не вышло.

Спешащие люди в огромных разноцветных дождевиках заполняли весь проулок, словно грибы, сбжавшие из корзины одной из здешних бабулек. Последних и сейчас теснилось множество – с энтузиазмом, переходящим в ярость, они пристраивали остатки даров природы. Это был тот волшебный проулок неподалеку от железнодорожной станции, в котором летом и ранней осенью стояли женщины со щенками немецкой овчарки. Щенки по большей части выглядели утомленными и не отличались особой красотой, но – чтобы минутку помедитировать и помечтать – самое то. К нашему разочарованию, сейчас в проулке овчарок не обнаружилось. Но внутренний голос, не заглушаемый даже надрывными криками бабулек, подсказывал, что должно быть по-другому. «Ищи, ищи!» – твердил он. Мы все еще шли вперед, рассеянно оглядывая толпу, когда заметили одиноко застывшую в ряду бабулек женщину. Она выглядела странно: молча притулилась у забора безо всяких корзинок, при этом ее дрожащая на ветру фигура выражала самоотверженное ожидание. Встретившись с нами глазами, она буквально вцепилась взглядом в меня и маму. Совершенно случайно мы заметили у нее за пазухой маленький черный дрожащий носишко.

Почувствовав кого-то рядом, носишко заходил ходунком и начал вытягиваться вперед. Спустя пару секунд через молнию куртки перевесился крохотный щеночек таксы и замахал лапками. Казалось, эта парочка дождалась именно нас. Поздоровавшись с женщиной, мы несколько виновато погладили малыша. Но на дороге к нашей мечте сворачивать в сторону было уже нельзя.

– Мы хотим завести немецкую овчарку... Никто из ваших знакомых щенков не предлагает? – мама вдруг напряглась и пристально посмотрела на женщину.

Я тоже замерла в ожидании ответа. На лице женщины промелькнуло разочарование, но она мужественно произнесла:

– У меня хорошая подруга заводчица, у нее остался один щенок на продажу. По семейным обстоятельствам пристраивает в ближайшее время. Только этот щенок клубный, выставочный, а значит, дороже.

– А какого пола щенок? И возраст? – мама аж приподнялась на цыпочках.

– Девочка, два месяца, – женщина привычным жестом заправила дрожащий носик в глубь куртки.

Сейчас это просто три слова на бумаге. Но тогда – одни из самых важных слов в моей жизни. И даже спустя много лет. Хотя, на первый взгляд, в них, как и в окружающей нас картине, не было ничего действительно многообещающего.

Но именно эти слова каким-то неведомым образом сообщили: «Это она! Она! Моя собака! Мы нашли ее! Наконец-то!»

Дома, едва поставив сумки, мама набрала номер заводчицы – Светланы. Я села на краешек дивана и принялась пожирать глазами узор на обоях. Бабушка обреченно кормила заждавшегося нас кота.

Светлана была дома и, к моему счастью, назначила смотрины на завтра. Мама выпрашивала у нее подробности о щенке, рисуя на листочке бумаги ромбики-квадратики и причудливые завитушки. Я, переместившись еще ближе к краешку дивана, нацелилась на коридорные обои, ведь в комнате все уже были съедены глазами.

«Хорошо, завтра в десять утра на МКАДе у моста». Мама положила трубку.

– Ее зовут Рада.

Был сделан еще один маленький шаг навстречу мечте.

На момент нашей первой встречи у Рады не хватало одной прививки, так что Светлана поставила условие: мы забираем Радку через неделю уже привитую, а за это время еще раз моем и просвечиваем ультрафиолетовой лампой квартиру. Прививку Светлана поставила в тот же день, чтобы прошел минимально достаточный карантин.

Эту неделю я не жила – ждала. Собеседникам поминутно приходилось возвращать меня к реальности, когда я вспоминала, как Радка смешно говорила «Ня-ня-ня!» и лизала мне нос на прощание.

В школьном дневнике появилось несколько замечаний. Я считала каждый час до встречи с «Ня-ня-ня» и после школы (в школе, честно говоря, тоже) ложилась спать при малейшей возможности. Так время шло быстрее. Даже после получасового сна я с радостью заключала, что заветный момент стал еще ближе.

Иногда просыпалась в слезах – когда мне вдруг снилось, что Светлана передумала и отдала Раду каким-то другим людям. Но действительно — бомба в одну воронку дважды не падает. По крайней мере подряд. Светлана сдержала слово, несмотря на свои опасения, что у нас Рада окажется скрытой от мира. Отчасти я начала активно заниматься с Радкой именно в знак благодарности к Светлане за оказанное доверие.

Проснувшись утром такой долгожданной субботы, я не смела поверить своему счастью. Казалось, сейчас меня разбудят – и снова здравствуй, неделя ожиданий.

Наш визит проходил по предыдущему сценарию – Светланин муж встречал нас у моста на МКАДе, словно провожатый на лодке на другой берег реки. На другой берег реки жизни. Но если неделю назад мы плыли в неизвестность, то сейчас неслись за **нашей** собакой.

Мы позвонили в звонок, и за дверью послышался знакомый топоток.

В реальность происходящего я поверила лишь тогда, когда Радка бросилась мне на руки и принялась остервенело вылизывать нос и щеки. Периодически она оставалась и заглядывала в мои счастливые глаза своими счастливыми глазами.

Это был последний раз в ее жизни, когда она не лаяла на шорохи за дверью и демонстрировала такие бурные нежности. Впоследствии Рада проявляла сдержанный характер, но в то утро не смогла справиться с эмоциями.

– Узнала вас еще по голосам, пока вы за дверью стояли, – сообщила Светлана, впрочем, как мне показалось, не без сожаления, ведь Радка уже стала совсем нашей собакой.

Верю ли я в судьбу? Верю. Так же как и в то, что за нами остается право выбора.

Для меня судьба – некое течение, которое не перейдешь вброд и не переплывешь. Оно знает о тебе все; вся твоя жизнь, прошлое и настоящее, все мысли и поступки отражаются в его водах. Это течение прибывает к твоему берегу те выверенные свыше события, которые сейчас для чего-то необходимы. Для чего? Наверное, чтобы получить важные уроки, лучше узнать себя, изменить свою жизнь, принести что-то этому миру. А дальше – уже твоя ответственность, какой выбор делать внутри этих событий. Можно идти вдоль берега, можно пробовать ногой воду или бросаться в нее с разбегу, тонуть или нырять с головой, плыть по течению или грести веслами. Можно и убежать, но уже вскоре вернешься испить воды, глядя на свое отражение.

И даже 11 декабря 2004 года, когда к нашим берегам прибило искусно сделанную цепочку событий, мы были властны выкинуть ее обратно в неторопливое течение судьбы. Не поехать, не пойти. Или пойти, но не искать. Или найти, но не звонить. В конце концов, не брать того щенка (хотя это и было невозможно, ха-ха).

Но вместо этого я бросилась с разбегу в разбушевавшиеся волны жизненного течения с зажатой в руке милой моему сердцу цепочкой. Она и стала моим оберегом.

ПРОСТЫЕ НОТЫ СЧАСТЬЯ

Как звучит счастье? Для каждого по-разному. Нет в мире двух одинаковых людей – и нет двух одинаковых мелодий счастья. Но эта мелодия расскажет о человеке лучше любых слов.

Мои ноты, в общем, были обыкновенны. Голоса и смех любимых людей, шум моря и шум дождя, ночное пение соловьев над рекой и далекий лай собак. Шмяканье о землю яблок теплой августовской ночью и шелест шин велосипеда по грунтовой дороге меж стен спелой пшеницы. Утреннее шипение сковороды с бабушкиными блинами и царапанье кошачьих когтей о деревянный угол.

Но в какой-то момент в мелодии моей жизни появился припев. И начался он с трех нот: стука игрушечной

хрюшки, шуршания пленки на полу и бесшумного, но такого звучного падения снега.

Рада знала, что приехала к себе домой. Прямо с порога она с беззастенчивым ускорением устремилась вглубь квартиры. Короткое шипение кота, похожее на шипение сковородки с блинами, сменилось характерным постукиванием сухого корма в миске. Так еще стучит дождь о подоконник. Пока я развязывала шнурки, то тут то там слышался быстрый мелкий топоток по линолеуму. На пару секунд он затих, после чего Рада вылетела в коридор, отчаянно мотая латексную игрушечную свинью, заготовленную нами накануне. Та громко ударяла Радку поочередно то по одному боку, то по другому, а собаке ничего другого и не нужно было.

Ну, разве что поесть. Рада никогда не скромничала, если в шаговой доступности имелось что-то съестное. Пока мы готовили еду, она либо грозилась проглотить тебя вместе с миской, а потом еще попросить добавки, либо яростно царапалась в закрытую дверь кухни. Тоже мне овчарка из голодающего Поволжья! Эх, в том возрасте Раде точно не помешала бы миска-самобранка. Но, надо отдать должное, Рада ни разу в жизни не позволила себе зарычать на нас, когда мы трогали ее миску – например, чтобы добавить ей порцию.

Так Рада и стучала себе по бокам игрушечной хрюшкой до самой ночи с перерывами на пятиразовое питание, проходившее уже под яростный стук металлической миски о пол. Мне приходилось время от времени уходить в другую комнату – просто постоять минутку в темноте и перевести дух, иначе я бы точно задохнулась от счастья. Рада успевала соскучиться и бросалась мне на колени, когда поиски хозяйки заканчивались успехом. Я гладила ее угольно-черную спину и думала: как же мы прожили друг без друга целую неделю? А до этого – целую жизнь?

Ночью Рада заподозрила что-то неладное и принялась тереться перед закрытыми дверьми комнат, словно компания молодежи под окнами с включенным на всю мощность магнитофоном. Я вся сжималась от ее не то

воя, не то плача. Самым большим моим желанием было впустить щенка в комнату, но бабушка настаивала на том, чтобы выдержать характер. Рада тихонечко посвистывала, перемещаясь от двери к двери, затем переходила на скулеж и заканчивала очередной круг, заходясь в протяжных жалобных стенаниях.

– Все, больше не могу, – я вскочила с кровати и принялась отчаянно нащупывать ногой в темноте тапочки.

Я так увлеклась, что даже не сразу осознала: что-то изменилось. Лишь Радин тяжелый вздох, когда она опустилась в свой лежак-пухлик, на секунду нарушил тишину. На этом история ночных бдений и закончилась. Но утром, чуть стоило открыть дверь, Рада с разбегу запрыгнула на кровать, прежде чем мы обе успели что-либо сообразить. Я поправляла истоптанную простыню, пока никто не засек, а Рады тем временем след простыл. За входной дверью зашебуршились соседи. Квартира содрогнулась от басистого «Гав!».

Я вплотную приблизилась к Раде и медленно обошла ее со всех сторон. Просто невозможно было поверить, что щенок двух с половиной месяцев от роду способен издавать подобные звуки – все равно что младенец говорил бы голосом невыспавшегося стокилограммового амбала. Но Рада вдыхала полную грудь воздуха, несколько секунд собиралась и выдавала мощный, низкий, почти львиный звук. Лишь на пятом заходе она вдруг дала осечку. Квартиру огласило знакомое звонкое «Ня!», сгладившее когнитивный диссонанс. Но Рада моментально исправилась и снова гавкнула «как надо». Соседи затихли в лучших традициях партизан. Я даже не знаю, выбрались ли они до вечера из прихожей. А если и выбрались, то, скорее всего, по-пластунски.

Охранять квартиру Рада начала в первое же утро, хотя у Светланы не занималась этим от слова совсем. Берегла силы для своего дома – поэтому и голос такой.

Приходя из школы, я заставала дома заспанную Радку, которая проводила часы одиночества вполне прозаично. Но стоило мне лишь на пару секунд отвернуться, чтобы поставить тяжелый рюкзак, как Рада бросалась

восстанавливать равновесие в природе. Прополоскав тряпку и возвращаясь в комнату, я заставляла две новые лужицы взамен вытертой. Пол в квартире, как выяснилось на практике, не отличался ровностью, так что мне приходилось очень быстро принимать решение, какую из двух лужиц вытирать первой. Из одной, которая поблескивает на северном склоне пола, струйка вот-вот затечет под диван, а из другой, на южном, – под шкаф. Я выбирала спасение дивана, но только брала низкий старт с мокрой, капающей тряпкой в сторону ванной, печально наблюдая потоп под шкафом, как наступала ногой в третью лужицу, которую Радка заботливо приготовила за моей спиной.

Наш кот Максим, или, по-домашнему, Масыа, на ближайшие пару месяцев превратился в шипящий холмик под покрывалом кресла. Хотя Масыа был черен как ночь, в его характере напрочь отсутствовали смелость и коварство. Их заменяли кротость и любовь к уюту, которые в летнюю пору сменялись дикой тягой к невероятным приключениям.

Сейчас же на дворе стоял декабрь, и Масыа целыми днями копил силы для будущих приключений, периодически прерываемый Радиными сессиями юного натуралиста.

– Рада, лежать!

Рада резво укладывалась, шурша клеенкой. Этот шорох означал прежде всего выполнение команды. А также то, что у меня есть своя собственная собака, которую я сама научила новой команде. Космос, да и только.

Клеенка стала ноу-хау последней недели. Ее миссия состояла не только в защите мебели и пола от вездесущих лужиц, но и в том, чтобы я после школы все-таки первым делом обедала.

– Рада, сидеть!

Рада хитро смотрела на меня. Пленка не шуршала.

– Рада, сидеть!

Рада вдруг резко вскакивала и гордо принимала сыр, выпятив грудь. Высокий домик из ушей ходил ходуном, но всегда выстаивал. Пленка шуршала.

Я тогда не считала, с какого раза выполнена команда, если он не был уже пятым по счету. Главное, что нам было так хорошо вдвоем, и слышался шорох пленки, означавший, что есть движуха и прогресс.

По окончании удачной дрессировочной сессии мы начинали радостно скакать по этой самой пленке – сначала обе замирали с не в меру хитрыми лицами, а потом я одним прыжком перемещалась в произвольную сторону. Уже через секунду я обычно бывала настигнута. Шорох пленки достигал апогея. Этот звук и по сей день один из самых счастливых в моей жизни.

А затем первые прогулки. Первый, с опаской, заход в лифт. Первая лужица на улице – только спустя три дня, а до этого Рада старательно несла все свое богатство домой. И вот ты смотришь, как по снегу расплывается желтый круг, – и такая гордость берет! Если это смогли одолеть, значит, нам все под силу!

В конце прогулки мы отворили скрипучую деревянную калитку, висящую на одной петле, и вошли на стадион – культовое место нашего района. Днем для футболистов, а вечером – для собачников. Главное – соблюдение негласных законов с обеих сторон.

Снега намело Раде по колено. Первый нормальный снег той зимы. Радка удивленно озиралась по сторонам, но все же пробовала его на вкус – нельзя совсем уж пропадать дарам природы.

В полной тишине снег падал огромными косматыми хлопьями. Лишь изредка было слышно, как Радка ловит пастью снежинку, показавшуюся наиболее аппетитной. Фонари стояли, словно желтые садовые ромашки, которые снегопад застал врасплох еще цветущими на клумбе. И вот они окоченели – ни доцвести, ни осыпаться.

Я запрокинула голову – с шапки свалился небольшой сугробик. Снежинки одна за другой таяли на моих раскрасневшихся щеках. Секунда – и я лечу! Все, кто когда-либо смотрел вверх в снегопад, знают этот эффект. Но только те, у кого когда-либо был щенок, знают, что в тот момент я летела по-настоящему. Ведь если сбывлась

такая мечта, как собственная собака, то летать-то я смогу и подавно.

ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ

Радино детство прошло в лучших традициях детства девяностых. Большие дружные компании, самобытные личности, гениальные в своей простоте игры. Это сейчас мы уединяемся и бросаем собаке какую-нибудь навороченную заморскую игрушку со странным названием, краем глаза поглядывая, чтобы никто к нам грешным делом не приблизился. Здороваемся, кивая или махая рукой издалека. Собаки – и те виляют друг другу хвостами с почтительного расстояния. Или сидим с собакой на лавочке, а маленький экран телефона, на котором вереницей проходят квадратики фотографий собак, полностью заслоняет большую картину мира вокруг. Тренажерные залы заменяют прогулки. Новая реальность не щадит ни людей, ни собак – жизнь тех и других меняется все быстрее с каждым годом.

Только кошкам, похоже, все равно. Сначала воротили нос от серой колбасы, потом от подушечек с паштетом, а сейчас – от суфле из индейки в сливочном соусе с хрустящим топпингом, черт его возьми. Постоянство на грани фантастики.

Шел 2005 год, но, несмотря на это, Рада успела застать расцвет собаководства в нашем районе. Коммунизм уже безвозвратно испарился из всех прочих сфер жизни, но в собачьей среде он продержался дольше всего и исчез только через пару лет.

Но пока на каждую прогулку мы, задыхаясь от чарующей новизны, бежали как дети на деревенский праздник. Особенно нетерпеливо мы с мамой считали часы до вечерних прогулок, ведь они были самыми интересными, почти священными.

– Ничего себе, летучая мышь! – с такими словами Радке впервые отворили калитку стадиона местные завсегдатаи.

Действительно, к четырем месяцам она начала стремительно вытягиваться, превращаясь из милейшего

пупса в долговязого угловатого подростка. Особенно старались уши. В требуемое по стандарту положение они поднялись вскоре после того, как Рада переехала к нам. Но вот их восхитительная несоразмерность телу стала на ближайшие пару-тройку месяцев объектом повального доброжелательного подтрунивания.

Наш лексикон пополнился странными именами собственными: Моллин дядя, Греева тетя, Нордин парень. Ведь собак по именам мы узнали раньше, чем хозяев.

У Рады появилось множество друзей самых разных пород – и ровесников, и собак постарше, и даже собачьих пенсионеров. Но самой любимой стала Молли – щенок лабрадора двумя неделями старше. С ней Рада устраивала большие гонки с перерывами на борьбу сумо. Я тогда еще сама была ребенком, и все собаки виделись мне сказочными существами, яркими индивидуальностями.

Как говорил маленький принц – взрослые любят цифры. И действительно, сейчас меня скорее заинтересует, сколько собаке лет или же сколькими видами спорта она занимается, нежели ее богатый внутренний мир. Но тогда я каждый вечер могла становиться героиней волшебной сказки, просто бегая с длинной палкой в большой стае щенков.

Этот этап Радкиного взросления омрачился лишь одним моментом: ее крепкие прежде задние ножки ощутимо сблизились в районе скакательных суставов, что отразилось не только на стойке, но и в некоторой степени на качестве походки.

– Это слабые связки, для немца в период быстрого роста – нормально! Ваша задача – поймать тонкую грань между «дать собаке вырасти» и «не запускать»! – Светлана проводила сеанс кинологической психотерапии по телефону. – Подождите еще немного и начинайте бегать! И добавками не пренебрегайте.

Мы уже прощались; телефонная трубка начала движение на свое законное место, когда из нее послышался далекий взволнованный возглас Светланы:

– Да, совсем забыла! Барьеры до десяти месяцев – ни-ни. Разве что месяцев с семи перепрыгивать совсем низенькие, которые не выше пясти.

Конечно, мне было очень обидно. Будто кто-то капнул темной краской на идеальную картину, висящую на стене в галерее искусств. Время шло, и регресс стал очевиден. Связки по мере Радиного роста уже почти перешли границу с вывеской «приемлемо». «Нужно действовать», – подытожила я. Тем более что возраст (уже) и связки (пока) позволяли выполнять активные нагрузки.

У щенков связки более эластичны, чем у взрослых собак. Это всего лишь одно из проявлений материнской заботы природы. Благодаря эластичности связка может амортизировать удары по суставу, которые неизбежно возникают во время бега, активных игр и даже при простом шаге. Для растущего организма – архинеобходимо. Но у немецких овчарок есть тенденция к слабости задних конечностей, а потому важно отследить момент, когда забота природы начнет переходить в бич породы. Ведь от одного состояния до другого рукой подать.

Начали мы с покупки мячика. Ярко-красный, из приятной на ощупь плотной резины, с нотками ванили в запахе – новая игрушка сразу очень понравилась Радке. Чего не скажешь о соседке снизу – она настолько не прониклась нашими первыми упражнениями по подносу мяча на ковровой дорожке в коридоре, что даже впервые за 20 лет нанесла нам личный визит. Пришлось перемещаться на улицу. Но это и к лучшему: мягкий, чуть утоптаный снег по-любому лучше ковра. Соседке плюсик в карму, как ни крути.

Бег за мячиком плотно вошел в нашу реальность. Рада превратилась в его фанатку буквально за день – и на всю жизнь. Я расписала ей персональную программу тренировок, чтобы нагрузки наращивались постепенно, без риска для здоровья щенка.

И пусть с первой собакой я сделала много неверных шагов в плане дрессировки, зато в плане Радиной физической формы нам повезло сразу нащупать путь истинный и не сворачивать с него.

Бег за мячом по прямой и вверх по горке, преодоление небольших сугробов, длинные прогулки в парке, а к году – еще и ходьба по лестнице вверх и внагиш на шлейке, а также плавание. Все это стало лучшей инвестицией в наше будущее. После нескольких месяцев последовательных тренировок я получила годовалую собаку с крепкими задними лапами. Их отдельно отметили на единственной в нашей жизни выставке, да и среди комплиментов Раде всегда лидировали «Какие красивые уши!» и «Какие хорошие для немецкой овчарки ноги!». Всю свою жизнь Рада не уставала благодарить за вложенные в нее в тот год усилия – не только сотнями километров быстрого мощного бега, кубками и медалями, но и... идеей названия для этой книги. Рада жила со всех лап.

Будет просто неприлично не упомянуть еще и одну замечательную собачью личность, которая внесла бесценный вклад в Радино физическое развитие. Гарик, метис цвергпинчера, мужчина в самом расцвете сил и на определенном жизненном отрезке – персональный тренер по бегу. А ведь все вводные данные непрозрачно намекали, что такого случиться не может, от слова вообще.

Гарик являл собой полную противоположность обычным представлениям о фитнес-тренерах. Маленький, приземистый, с гордостью несущий свои жирненькие тела на коротких кривых лапках. Но это не мешало ему оставить с носом любого фитнес-тренера и олимпийского чемпиона вместе взятых, чуть только его кряжистая тушка подключала турбо-режим. «Откуда что берется», – только и ахали мы, прыжком уступая дорогу, когда мимо пронеслся Гарик в образе пушечного ядра, а за ним вверх по горке – Радка с высунутым языком. Гарик, кстати, отличался премерзким характером и пренебрежением ко всему живому. Особенно тренер по бегу не терпел больших собак и особенно немецких овчарок. Рада стала исключением – ведь за ее физическую форму он с некоторых пор нес личную ответственность. Да и девчонка вроде неплохая. Рада не интересовала Гарика как женщина, тем не менее он позволял сколь угодно

слюнявить себя и даже катать лапой по земле – но только с пользой для дела. Интерес к своей подопечной Гарик потерял одновременно с тем, как ее задние лапы стали идеальными. Совпадение или тренерские амбиции?

– Девушки, а из какого питомника ваша овчарочка? – заискивающе улыбаясь, почти скалясь, спросила незнакомая женщина. Она появилась будто из ниоткуда, но, ожидая ответа, едва заметно озиралась через плечо.

Я назвала питомник. Нам не жалко.

Рот женщины собрался в улыбку, напоминавшую переслащенный сухофрукт.

– А кто родители, бабушки-дедушки?

Я вздохнула, но перечислила несколько кличек. Мы не спешим, погода хорошая.

– Видела вашего деда на выставке, у него тоже задние ноги образцово-показательные, – женщина еще раз с пристрастием оглядела Радку, словно перерисовывала ее контур на невидимую бумагу. Вдруг, опомнившись, она засеменила в противоположную сторону по странной дуге.

За трансформаторной будкой мы заметили знаковую фигуру. Та почувствовала взгляд и сделала шаг назад – мол, нам показалось. Наша собеседница обошла будку с обратной стороны и, выждав, когда мы скроемся из виду, шагнула из-за стены уже в компании Лены. Лены и двух каких-то странных существ.

Лена, заводчица из нашего района, как никто другой умела испортить всякую породу, к которой прикасалась. История началась с немецких овчарок. Поговаривали, раньше Лена была прогрессивным дрессировщиком и перспективным заводчиком. Но что-то пошло не так: сначала – приоритеты, а затем «пошли не так» уже и сами собаки.

Неожиданно для обеих сторон в самом конце прогулки мы столкнулись за углом забора. Мама ахнула и прижала руку ко рту, у меня на глазах выступили слезы. Лена и наша недавняя знакомая вели на поводках двух щенков немецкой овчарки. Очаровательные

полугодовалые бутузы кусали друг друга за шею, но, завидев незнакомцев, бросили свое занятие и принялись рассматривать нашу троицу с доброжелательной непосредственностью. Мой же немигающий взгляд замечал только часть картины, а именно – их задние ноги. Малыши попытались приблизиться к нам, и мама тоже заплакала. Плюсны щенков лежали на земле, так что передвигались они на пятках, словно обессилевшие кузнечики. Я собирала последние силы, чтобы не смотреть на их славные добрые мордочки.

Женщины не удостоили нас взглядом и прошли мимо. Я обернулась. Лучше бы я этого не делала – сбоку еще казалось, что у щенков есть, пусть крохотный, шанс на сносное существование.

До того дня наши отношения с Леной ограничивались тем, что мы были единственными овчаристами района, с которыми Лена принципиально не здоровалась. Но зато на постоянной основе засылала казачков к будоражащему четвероногому объекту. Собаки Лениного разведения (особенно кобели) не раз бросались на Радку, но теперь это казалось цветочками по сравнению со все новыми и новыми партиями щенков с безобразными ногами, которых мы наблюдали на прогулках.

Такие заводчики были, есть и будут всегда, куда в этом мире существуют деньги и те, кто их приносит. Без законов о защите животных и в условиях большого спроса изменить ситуацию способно разве что одно маленькое движение верхним веком. Обычно оно дается с большим трудом, но его можно натренировать. Вот если бы сделали такие школы для будущих владельцев собак, где на первом и самом важном уроке их бы учили полностью открывать глаза даже при взгляде на маленьких, хорошеньких щеночков! Тогда никакая Лена и ей подобные не смогли бы продавать собак из фильма ужасов. Горе-режиссер был бы уволен и пошел мести улицы.

Радины представления о дрессировке развивались параллельно моим, и частенько Раде было абсолютно параллельно на дрессировочные амбиции ее хозяйки. Но я старалась.